

Валерий ГУСЕВ

ПОД ДЕВЯТОЙ СОСНОЙ В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Под девятой сосной в чистом поле

«ЭКСМО»

2005

Гусев В. Б.

Под девятой сосной в чистом поле / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2005 — (Дети Шерлока Холмса)

Детективные загадки поджидают братьев-сыщиков Диму и Алешку даже там, где их нет и быть не может. Ребята проводили каникулы в тихой деревне, в которой ровным счетом ничего не происходило, как вдруг – похищение века! Из местной церкви украдена бесценная икона! Разве могут сыновья полковника Интерпола валяться на травке да ухаживать за арбузами, которые вздумалось выращивать их маме, если народное достояние того и гляди уплывет из России? Священник отец Леонид рассказал старинную легенду: в давние времена, когда на Русь нападали враги, люди укрывались в церкви, а потом подземным ходом пробирались в дремучие леса. «А может, подземный ход до сих пор существует?» – задаются вопросом юные детективы, и однажды ровно в полночь...

© Гусев В. Б., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий ГУСЕВ

Под девятой сосной в чистом поле

Глава I

Она как бы есть...

Ну, началось...

Мама сначала объявила забастовку (выключила пылесос и стиральную машину), а потом объявила голодовку. Правда, не для себя, а для нас. Отказалась нас кормить.

Мы голодали очень долго. Наверное, целый час. А потом мама нашу голодовку не выдержала и пошла на кухню. Погремела там сковородками, пошвыряла кастрюли и позвала нас суровым голосом:

– Идите ужинать. Ненасытные!

Мы робко, во главе с папой, просочились на кухню и скромно уселись за стол, все из себя виноватые. В общем-то, без вины.

– Отец! – мама грохнула на стол сковородку с котлетами. – У нас есть дача? Или ее у нас нет? Убери газету, ты не на работе!

– Дача? – задумался папа, с интересом поглядывая на сковороду. И туманно пояснил: – Она как бы есть. И ее как бы нету.

– Вот именно! У всех людей есть дача...

– Как бы, – вставил Алешка.

– Это у нас – как бы! – вспыхнула мама. – Сколько лет вы ее уже строите? Сколько там берез выросло вместо смородины и апельсинов? – Мы сложили руки перед собой, как примерные первоклашки, и стали слушать – интересно ведь. – Я для вас все делаю!

– Стираю посуду, – серьезно подсказал Алешка. – Пылесосу белье.

– Да! Вот именно! – Мама, похоже, в своем горячем пылу его не расслышала. – Бегаю по кухне. Не вылезая из магазинов! А вы мне за это хоть раз построили дачу?

– Хорошо, – подозрительно легко согласился папа. – Можно сначала покушать? А то на голодный желудок дачу не построишь. Ни разу.

– Ага, – поддержал его Алешка. – Сейчас поедим и построим дачу. Два раза. И апельсины посадим. Вместо смородины.

Мама успокоилась и включила стиральную машину. А потом и пылесос.

Словом, папа решил так. Пока им с мамой не дадут отпуск, мы с Алешкой будем жить на нашей даче, которая как бы есть. И сторожить стройматериалы, которые папа будет привозить время от времени. А как только нагрянет их отпуск – ну, тут сразу начнется строительство... апельсинов, как сказал Алешка.

Нас такое решение очень обрадовало. Пожить на свободе, под летними березами, которых там теперь хоть пруд из них пруди, – это не слабо!

– Вот тогда вы узнаете, – мстительно произнесла мама, – что такое бегать по кухне и по магазинам.

Алешка рассмеялся. Потому что кухни у нас там не было. Был только уютный строительный вагончик с газовой плиткой. А магазин был всего один – в соседней деревушке. Довольно маленький – по нему особо не побегаешь.

Дача у нас, в самом деле, – как будто она есть, а на самом деле – как будто ее и нет. У всех вокруг уже стояли высотные дома с подземными гаражами, а у нас стояли высотные березы и вольные травы по пояс.

– Задание на неделю, – сказал папа, когда мы выгрузили из машины всякие пожитки и продукты. – Выкосить траву! Выполоть...

– Березы? – спросил Алешка.

– Грядки, – сказала мама.

– А где они?

– Где-то здесь, в траве. Поищите хорошенько.

– Дальше! – продолжил папа. – Прибраться в доме.

– А где он? – спросил Алешка.

– Они дурака валяют, – догадалась мама. – Поехали, отец. – И решительно хлопнула дверцей.

Нет, правда, наши родные березы так, оказывается, подросли, что наш родной вагончик спрятался под ними, как гриб-подберезовик. Мы его еле отыскали. Вошли внутрь.

Алешка распахнул окно, высунулся по пояс:

– Помашем родителям, Дим? Им приятно будет.

Но машина уже торопливо скрылась за домами поселка.

Первым делом мы собрали среди трав и под березами все грибы, которые выросли тут за время нашего отсутствия, и сделали на нашей одноконфорочной плитке прекрасную жаренку. Гулять так гулять!

На запах жареных грибов к нам заглянули ближайшие соседки: две молодые блондинки. Одна, в шортах, – Люсьена. А другая, в длинных брюках, – Люська. Или наоборот. И стали они нас, брошенных деточек, во весь голос жалеть и предлагать свою помощь.

– Да, – сказал Алешка, не растерявшись, – помогите нам. Нам так одиноко вдвоем. Помогите нам вымыть полы и окошко, выбить матрасы и одеяла, выкосить всю траву, прополоть березы, принести с колодца воды побольше и вскопать вот здесь грядку под апельсины... Поширше.

– Ну нет, – сказала блондинка в длинных брюках, – я лучше вскипячу вам чай. У вас есть чайник?

– Есть, – сказал Алешка. – Только его надо сначала запаять, он за зиму прохудился. Его мыши прогрызли.

– Тогда мы проверим ваши грибы, – сказала блондинка в шортах. – На вкус. Чтобы вы не отравились.

– Мы уже проверили, – сказал Алешка. – Так себе грибы. Разного действия на вкус. У Димки от них запор, у меня – понос. Еще чем поможете?

Блондинки посмеялись, молча, с надеждой посидели возле сковородки и вслух позавидовали нам: какой у нас очаровательный участок.

– Сплошная природа, – ворковали они. – Березки. Грибы. Травы. Ромашки. У нас же – один кирпич и теплицы. И забор.

– Ничего, – пообещал Алешка. – Папа тоже привезет нам один кирпич, а мама – теплицы. И забор. Из апельсинов.

Не помыв полы, не накосив травы и не сходяв за водой (и грибы не проверив), блондинки вскоре ушли и скрылись скучать в своих каменных особняках. А мы с Алешкой пошли знакомиться с окрестностями и их обитателями.

Наш дачный поселок, как и наши березки, сильно разросся за последнее время. И не только вверх и вниз – этажами и подвалами, но и во все стороны. Он раздался в поле, прошагал

к лесу и спустился к реке, где почти соединился с местной деревней, которая начиналась сразу за мостом.

Дома в нашем поселке были все разные. Но очень одинаковые. Будто какие-то пластмассовые, собранные из конструктора «Лего». И только один дом отличался от всех других. Он был построен, как старинный боярский терем. Весь в крытых узорных крылечках, в резных столбиках, в разноцветных окошках. А крыша была набрана из узких фигурных дощечек. И огражден был дом не бетонным забором, а заостренными, как громадные карандаши, бревнами – вроде как древний крепостной тын.

На воротах, стянутых коваными полосами черного железа, висела большая табличка: «Писатель К.Л. Марусин. Прошу не беспокоить». А под табличкой болталось железное кольцо – вместо дверного звонка, как мы догадались.

Ну, кто-то, может, к этой табличке и прислушивался и не беспокоил писателя Марусина, не отрывал его от работы. Но только не наш Алешка. Когда мы проходили, глаза, мимо, он сразу же загорелся:

– Пошли, Дим, в гости к этому Марусе. Очень хочется на живого писателя посмотреть. А то ведь я их только на стенах видел.

Потом, когда всю развернулись ужасные события, я вспомнил наш разговор и подумал: Алешку будто кто-то толкнул в этот дом. Какая-то неведомая сила. Ведь если бы мы тогда прошли, глаза, мимо, вся эта история ушла бы совсем в другую сторону и закончилась бы совсем не так. Плохо она закончилась бы... Может, даже для всей страны.

Не успел я схватить Алешку за руку, как он подбежал к воротам и стал гулко колотить в них тяжелым кольцом. Обернулся, предупредил:

– Дим, ты в разговор не вмешивайся. А если я тебя спрошу о чем-нибудь, отвечай: «Я забыл!» Понял?

Я послушно кивнул, а за воротами послышались шуршащие шаги по гравию и раздался где-то вдали визгливый, дребезжащий голос:

– Жорик! Если это опять Поля, гони в шею! И Леню – тоже!

Калитка в воротах распахнулась, и в ней возник здоровенный детина. Хорошо, что Алешка не «Поля», а я не «Леня»!

Детина был здоров во все стороны. Только голова у него была другого размера – неподходящего, маленькая, словом. На нем были полосатые, как на древнем крестьянине, портки, из которых далеко вылезали босые ноги подходящего размера, и рубаха до колен, подпоясанная веревкой. Он уставился на нас круглыми, острыми и злыми глазками:

– Чего надо?

– Надо великого писателя, – сказал Алешка восторженно, прижимая руки к груди. – Мы одну его книжку полюбили. Хотим, чтобы он ее подписал теплыми словами.

Детина обернулся и крикнул себе за спину:

– Читатели, Клим Львович! Почитатели! Пущать?

На крытом, в завитушках, балкончике появился человек, совсем на писателя не похожий. Без бороды, без очков, без писательского баса. Тощий и вертлявый. С дребезжащим голосом.

– Проводи в залу. Я сейчас спущусь, только фразу допишу. До точки.

Судя по всему, он был очень нам рад. Видно, не так уж часто беспокоят его читатели-почитатели.

Детина провел нас в дом, в эту самую «залу». Где мы от нее сразу прибалдели. Во-первых, она была вся из вековых бревен, во-вторых, окна в ней были все из цветных кусочков, и на полу от солнечных лучей лежало такое разноцветье, что мы тут же зажмурились и заморгали. Алешка даже чихнул. А третье... Даже не знаю, как и сказать. Одна стена в этой зале была увешана старинным оружием. Ружья, мушкетеры, пистолеты, сабли, мечи, шпаги. Щиты и

шлемы. Даже кольчуга висела на специальных плечиках, как папин парадный мундир. А в углу стояла на деревянных колесиках маленькая, но – сразу видно – очень настоящая пушка.

Другая стена была сплошь завешана иконами. Мы такой красоты даже в церкви не видели.

А вдоль третьей стены шли полки из толстых досок, на которых стояли разные колокола, по росту: от крохотного колокольчика до громадного колокола с отбитым краешком, который на полке никак уместиться не мог и висел под потолком на трех толстых, вроде каната, веревках. А снизу из него высовывался язык – колотушка такая чугунная.

Алешка, как только пришел в себя, тут же раскачал этот язык и бухнул в колокол. Густой, тягучий, тяжелый звон заполнил комнату. Алешка даже присел, зажав уши.

Под этот звон в залу торжественно шагнул наш великий писатель. Он был в домашней куртке с меховым воротничком и с витыми шнурочками на груди. И весь светился от удовольствия. Но в то же время был озабочен своим творческим процессом. Он поднес к глазам лист бумаги и прочитал с важностью: «...И вот однажды утром взошло солнце...»

– Каково? – спросил он нас. – Правда, гениально?

– Талантливо, – согласился Алешка.

Писатель сложил лист вчетверо и сунул его в карман:

– Вы, верно, из местной школы? Вы, верно, хотите пригласить меня на мой творческий вечер? На встречу с читателями?

Я благоразумно промолчал (я ведь «забыл»). А Алешка смело ответил:

– Мы, вообще-то, из школы. Но не в этот раз. Мы одну вашу книжку полюбили. Хотим ваш великий автограф получить. На добрую память. Чтоб нам все завидовали.

Писатель Марусин так засиял, что я даже испугался – не перегорел бы от гордости. Он широким жестом пригласил нас сесть на старинные лавки и, улыбаясь, спросил доброжелательно:

– И какая же из моих книг вам понравилась?

Алешка повернулся ко мне:

– Какая, Дим?

Я хлопнул глазами и ответил, как меня только что учили:

– Забыл!

– Это мой старший брат, – пояснил Алешка таким тоном, что писатель понимающе, даже с сочувствием, кивнул: мол, если в семье два сына, то один из них умный, а другой... старший.

Писатель взял из мраморного стаканчика гусиное перо:

– Что ж, давайте книгу – с удовольствием сделаю для вас дарственную надпись.

Алешка опять повернулся ко мне:

– Дим, давай книгу.

Я опять хлопнул глазами:

– Забыл!

Писатель разочарованно улынулся.

– Эх ты! – сердито сказал Алешка. – Такой хороший писатель, а ты – забыл! – И он вежливо спросил у Марусина про его оружие: – А это вам все благодарные читатели подарили, да?

– Что ты! – Писатель вскочил. – Это все я собрал собственными руками! За много лет! Трудом и лишениями.

– Вы – молодец! – похвалил его Алешка. – Сколько набрали!

– Не ленился! Каждого нового человека в своей жизни встречал словами: «Нет ли у вас чего-нибудь... старенького, предметов старины?»

– Полно! – вдруг выпалил Алешка.

– Да ну! – глаза Марусина загорелись азартом. – Давайте меняться!

– Давайте, – легко согласился Алешка. – У нас этой старины полон дом. Мама все время из-за этого папу ругает.

– А ваш папа тоже коллекционер?

– Не совсем, – увильнул Алешка.

По лицу Марусина скользнула тень – то ли разочарования, то ли недовольства.

– Но он тоже что-то собирает? – спросил с надеждой.

«Собирает, – хотелось сказать мне. – Собирает улики и доказательства. И забирает тоже.

Кого надо». (Наш папа – сыщик. И работает в Интерполе.)

А Марусин все никак не мог успокоиться:

– И какие же у вас есть старинные вещи?

– Всякие, – небрежно ответил Алешка. – На любой вкус.

– Ну-ну! – И глаза Марусина вновь загорелись.

– Музейные редкости. Пылесос, холодильник, – стал перечислять Алешка. – Стиральная машина. Мама говорит, что их давно пора в музей сдать.

Глаза писателя потухли. Он вздохнул с разочарованием:

– Это не старинные вещи. Это вещи старые.

Алешка тоже заметно огорчился, что невольно расстроил великого писателя. Подумал и вспомнил:

– Есть! У папы ядро от пушки есть. Как раз вашего калибра, – и он показал на пушечку в углу. – Оно у него на столе лежит, он им бумаги свои прижимает. Хотите, мы его сопрем?

Такая готовность растрогала писателя и расположила его к Алешке. И он не стал ломаться, а честно и просто сказал:

– Хочу!

На этом мы и расстались. Как друзья. А точнее – заговорщики.

Писатель пошел дописывать свои фразы, до точки, а мы с Алешкой пошли дальше. Знакомиться с обитателями окрестностей.

– Дим, – спросил Алешка, когда детина с собачьей кличкой Жорик захлопнул за нами калитку, – он тебе понравился?

– Кто?

– Писатель.

– Ничего себе, – я пожал плечами.

– А мне совсем не понравился. Вертлявый какой-то.

Ближайшее будущее, полное драматических событий, показало, кто из нас был прав.

В общем, прошлись мы по нашему поселку, и не больно-то он нам глянулся – ни домами, ни их обитателями. Скучные они какие-то, нелюдимые. И мы решили, как в старых сказках, попытать счастья в чужой стороне. В тридесятом государстве.

Спустились к реке, протопали по гулкому деревянному мосту, на котором нахолившимися воробьями сидели с удочками деревенские пацаны, и вошли в деревню. Тут была всего одна улица, вдоль которой взбирались на пригорок деревянные дома.

Улица посередине была пыльная, а по краям – заросшая густой и высокой травой, из которой местами высовывался кривой и серый штакетник.

Алешка с любопытством заглядывал за заборы, а где удавалось – и в окна. Я сделал ему замечание.

– Вот еще! – удивился Алешка. – Ведь интересно посмотреть, как люди живут!

Ага, очень интересно за людьми подглядывать: что у них в огороде растет, что в сарае прячется и чем стол к ужину накрыт!

Хотя через какое-то время Алешкино любопытство сослужило нам верную и добрую службу. «Подглядывать и подслушивать, – гордо сказал он, – это значит оперативную информацию собирать».

Правда, в тот день мы еще не догадывались, что начали собирать эту самую оперативную информацию, она нам еще ни к чему была. Мы просто шатались по деревне и заглядывали во дворы и в окна. И добрались до магазина. До магазинчика, точнее.

Возле него паслись две курицы и стояла живая лошадь с телегой. А в телеге кто-то спал на сене, прикрыв лицо от солнца старенькой кепкой.

Лошадь махнула нам хвостом и скосила один глаз, а другой у нее был прикрыт упавшей на лоб челкой. А куры только чуть вскинули головы и опять стали что-то клевать и разгребать лапками густую пыль.

Магазинчик назывался весело: «Зайди!»

Ну, мы, конечно, от такого радушного приглашения не отказались. Ничего в этом «Зайди!» особенного мы не обнаружили, кроме веселой продавщицы (ее звали Алевтина) и двух наших знакомых блондинок – Люсьены в шортах и Люськи в брюках. Или наоборот.

Они уже набили до отказа свои сумки продуктами и очень нам обрадовались. Но сначала сказали об этом продавщице:

– Знакомьтесь, Алечка. Очень славные мальчики, воспитанные. Наши соседи. Они нас жареными грибами чуть не угостили. – И стали гладить Алешку по голове и хлопать меня по плечу. – Как вы кстати, мальчики. А то мы переживаем, все думаем: кто же нам, слабым женщинам, поможет покупки до поселка дотащить?

Алешка не растерялся, успокоил их:

– Мы тоже все думаем, думаем. Кто же вам поможет? – и даже оглянулся – нет ли поблизости подходящих помощников?

Люсьена фыркнула, а Люська топнула ножкой. Мы так испугались их гнева, что тут же вылетели из магазина, распугав всех кур; даже лошадь перестала жевать и немного посторонилась. Но в телеге никто не проснулся.

Вообще в деревне нам понравилось гораздо больше, чем в поселке. Там дома были совсем новые, затейливые, но холодные, а здесь совсем старые, простые и невеликие. Но симпатичные. И люди в них жили интересные. Своеобразные, я бы сказал, приветливые и словоохотливые.

В поселке, например, не любили гостей; каждый дачник скучно сидел за своим забором в каменных стенах или потел под пленкой, ковыряясь зачем-то в теплице. А в деревне все занимались разными делами – косили траву, доили коров, кололи дрова или шлялись из дома в дом погостить у соседей. Словом, жили насыщенной общественной жизнью. Ссорились, мирились...

И мы с Алешкой довольно быстро вписались в эту жизнь. И со всеми перезнакомились. С кем-то подружились, а с кем-то совсем наоборот – стали враждовать. И среди тех и других были очень занимательные личности. Которые вскоре, как писали в старых романах, стали действующими лицами в той драме, что разыгралась в прилегающих окрестностях. И вышла, надо сказать, далеко за их пределы, вплоть до Америки.

Самым заметным среди них был незаметный, маленький и юркий, но очень зловредный мужичок по фамилии Паршутин (это он спал в телеге под своей кепкой). Настоящий деревенский сплетник. Который все видит, все слышит, все знает и ничего не утаит. Позже я понял: Паршутин был человеком «без изюминки», серенький такой, а очень ему хотелось быть на виду. Вот он и избрал такой способ привлекать к себе внимание. За что частенько получал то в ухо, то в глаз, то в лоб. Но это Паршутину ничуть не смущало. Он без устали шнырял по деревне, высматривал, вынюхивал, а если ничего интересного не находил, то тут же что-нибудь придумывал и кому-нибудь эту придумку беззастенчиво врал.

И первый, кому он врал и кто нес эту придумку дальше, была шустрая тетка Полинка. В деревне ее звали Заполошная. Тетка Полинка вечно куда-то спешила и никогда никуда не успевала. «Некогда мне! В огороде все посохло, поливать надо! А ты слышал, что у Витьки гармошку сперли? Кто-кто? Я знаю? Некогда мне!» – «А огород-то, Полинка?» – «Да некогда, травы надо кроликам накосить!»

И огород не польет, и травы не накосят! Некогда ей – блины пора печь. И на первом же блине это дело бросит – некогда, в магазин пора бежать. И мчится заполошная Полинка по деревенской улице, распугивая во все стороны чужих кур, петухов и коз. И примчится она в магазин как раз в ту пору, когда на его дверях уже повиснет ржавый тяжелый замок. «Не успела... Некогда мне... А ты слышал, что у Витьки гармошку сперли?.. Не иначе – Посошок».

Но это вряд ли. Посошок – человек довольно безобидный. Просто ленивый выпивоха. Его странное прозвище охотно объяснил нам все тот же Паршутин.

Оказывается, этот самый Посошок повадился одно время таскаться по дворам, в гости. И аккуратно – к ужину, когда семья садится за стол. Приглашают и Посошка. Покормят, но вином не угощают. А тому – уж очень хочется. Помается так вот Посошок за столом, пожует без вкуса угощение, вздохнет, поблагодарит за хлеб-соль и станет прощаться:

– Ну, а на посошок, – то есть на дорожку, на прощание, – неужели стаканчик не нальете?

Тут уж даже самый вредный хозяин не устоит, лишь бы Посошка выпроводить. И довольный Посошок, утерев рукавом губы, отправляется в следующий дом. За очередным «посошком».

Но вот в последнее время, разгадав его хитрость, стали ему соседи отказывать. Но тут Посошок нашел выход. Опять же нам об этом Паршутин рассказал.

В селе, когда был колхоз, то было и многое другое. Водопровод, в частности. И так к нему сельчане привыкли, что совсем забыли про колодцы, забросили их, провели воду в дома, даже душ и ванну себе соорудили. Но вот развалился колхоз, развалился и водопровод. Проржавели трубы, прохудился бак на водокачке, сгорел водяной насос. Вот тут-то и забедовал народ! Колодцы все заилились, срубы сгнили, негде воды взять. И ни одной баньки в селе не сохранилось.

А догадливый Посошок свою выгоду разглядел. Он вообще-то на все руки умелец был. Ленивый, но рукодельный. Это ведь он писателю Марусину красивый дом построил. И он первым в своем дворе, в глубине одичавшего сада, срубил славную баньку. Загляденье, теремок сказочный. И конечно – добрая душа – пускал в свою баньку всех желающих помыться-попариться. Даром, конечно, не за плату. Ну разве стаканчик вина платой назовешь?

Так и повелось: идут соседи к Посошку в баньку и с благодарностью несут ему выпивку и закуску. А тому больше ничего и не надо, он человек не корыстный. Душевный человек.

Ну, в этой деревне – многие жители душевные. Мы с Алешкой это быстренько поняли и частенько этим пользовались. Особенно если не успевали сбегать в магазин и что-нибудь сготовить. И тогда мы «в подходящее время», как говаривал друг нашего детства Винни-Пух, заходили «в подходящую компанию» чем-нибудь подкрепиться. Ну, конечно, под видом каких-нибудь пустяков. То нам два гвоздика понадобилось, то водички холодной испить. И слышали в ответ на пустячную просьбу долгожданные добрые слова:

– Заходите, заходите, ребятки. Вовремя пришли, как раз к обеду.

Словом, много героев будущей драмы набиралось на криминальной сцене.

Но самый главный герой этой таинственной и опасной истории – конечно же, мой младший брат Алешка. Он в нее впутался, он ее и распутал. А я все время оставался как бы за кулисами и только время от времени выходил на сцену со словами: «Кушать подано».

Но я не в обиде – героев-то тоже надо кому-то кормить.

Глава II «Попался!»

Жизнь наша наладилась. И очень нам нравилось на нашей как бы даче. А особенно – природа. Пригорки всякие, раздолье; вдали – синяя неровная стена леса, светлая речка, за рекой – славная деревушка. А больше всего нам полюбилась старинная церковь на горе. Она была небольшая, но как-то очень ладно сложенная из красных и белых кирпичей. Утром казалось, что над горой всходит еще одно солнце, а вечером казалось, что на горушку опустилось ночевать бело-розовое облако. А деревенские домишки, задрав крыши, с восхищением смотрят на это чудо.

Главным в этой церкви был священник отец Леонид. Очень симпатичный. Молодой такой, с черной бородкой и белыми зубами, с постоянной доброй улыбкой. Его тут все любили. И нам он очень понравился, когда мы с ним познакомились и даже подружился. Меня он почему-то называл отроком, а Лешку – атеистом.

– И ничего не атеист, – ворчал Алешка. – У нас в школе, между прочим, религию проходят.

– Интересно? – спросил как-то отец Леонид.

– Иногда, – уклончиво ответил ворчливый атеист.

– Ты что-нибудь понял?

– А чего тут не понять? – изумился Алешка. – Не обижай никого – и бог тебя не обидит.

Все просто.

Отец Леонид улыбнулся.

Он вообще был сильно образованный и культурный человек. Он нам очень много интересного рассказывал обо всех окрестных исторических достопримечательностях. Особенно – о церкви. Она называлась очень красиво и загадочно – Спас-на-Плесне. Плесна – это речка, над которой стояла на горе церковь.

Отец Леонид говорил нам, что церковь очень древняя, что она многое пережила за свои седые века. В дальней старине, когда на Русь нападали всякие враги, люди в ней укрывались, а потом таинственным подземным ходом, который шел под рекой, уходили в дремучие леса. А там, на этот случай, были уже готовы всякие землянки и припасы.

О церкви отец Леонид мог говорить часами. Обычно при этом он сидел на ее теплых каменных ступенях, задумчивый и какой-то светлый. И рассказывал не спеша, и каждое его слово было очень точное, веское – оно запоминалось, упало куда-то внутрь и требовало новых слов. Таких же мудрых, спокойных, весомых.

Алешка слушал его в захлеб. Особенно про подземный ход. Где он начинается, где кончается и какие древние сокровища в нем скрываются.

– Самое главное сокровище, – с теплой улыбкой говорил отец Леонид, – вовсе не в подземелье, а в самом храме – это чудотворный образ Казанской Божией Матери. У этой иконы – удивительная судьба. В начале прошлого века ее украл некий Чайкин – известный в то время церковный тать.

– А это кто такой? – не понял Алешка.

– Вор, который церкви грабит.

– Специализация такая, – Алешка кивнул. – И не боится, что бог его накажет?

Отец Леонид коротко взглянул на него, но не ответил и продолжил свой рассказ:

– И настала тогда огромная беда для всего народа. Потому что этот образ считался покровителем Руси. Он охранял страну и ее народ от всех бед.

– Хорошо охранял? – серьезно спросил Алешка.

– Справлялся, – улыбнулся отец Леонид. – В самые лихие годы под покровительством этого святого образа были одержаны великие победы. Все полководцы давних времен брали икону в свои боевые походы, «путеводительницей своему воинству», молились перед ней «в день брани жестокой». Под благодатной ее сенью ополченцы Минина и Пожарского очистили Московское государство от поляков, гренадеры Петра Великого разбили шведов, князь Кутузов одолел Наполеона. В общем, отроки, стал чудотворный образ Казанской Божией Матери для русского народа опорой и надеждой во всей его великой и тяжелой доле... И вот когда икона исчезла, в народе появились слухи – быть беде на Руси до той поры, пока образ не будет найден и пока он не займет свое достойное место в церковной обители.

– Нашли?

– Нашли. Почти семьдесят лет искали. И на Руси, и в других странах. Нашли. – Отец Леонид не спеша, вдумчиво перекрестился. – Кстати сказать, его искали не только священнослужители, но и работники правоохранительных органов.

– Шибко верующие? – усмехнулся наш атеист.

– Не в этом дело, Алексей. А дело в том, что эта икона считалась достоянием государства. Знаешь, сколько она бы стоила на мировом аукционе?

– Знаю! – Алешка небрежно пожал плечами. – На этих международных аукционах всякие товары не меньше миллиона баксов стоят.

Отец Леонид незаметно поморщился, а потом мягко сказал:

– Алексей, некоторые вещи не следует называть товаром.

– А я виноват? – вскинулся Алешка. – Если у нас все теперь продается и покупается!

Вот так мы и беседовали тихими вечерами на теплых каменных ступенях храма Спасана-Плесне. Я-то больше помалкивал. А вот Лешка и отец Леонид сильно спорили, доказывали друг другу свою правоту, а потом вдруг выяснялось, что оба они по-своему были правы. Вообще же я заметил, что почти все люди спорят лишь затем, чтобы доказать свое. А вот Алешка – искренен, он спорит ради истины.

Иногда после этих разговоров мы заходили в церковь. Отец Леонид показывал нам все иконы и рассказывал, что они значат, какие важные события в православии запечатлены в них навек. А около образа Казанской Божией Матери он стоял обычно очень долго и задумчиво крестился. И лицо у него после этого становилось по-особому светлым.

Надо сказать, что на нашей будущей даче мы и дальше жили бы так же спокойно и умиротворенно. Ходили бы на рыбалку, в церковь, к соседям – позавтракать и пообедать.

Но однажды утром (мы как раз шли мимо церкви на реку) увидели, что отец Леонид сидит на ступенях, низко опустив голову.

Мы сразу поняли: что-то случилось.

– Ограбили наш храм, отроки, – упавшим голосом сказал отец Леонид. – Сегодня ночью.

– И что? – спросил я.

– Ну, что? – Отец Леонид поднял голову. – Евангелие в медном футляре взяли. Два паникадила – это напольные подсвечники. Наперсный крест. – Он тяжело вздохнул. – А самая главная беда – святой образ похитили.

– Казанский? – ахнул Алешка. – Чудотворный?

Отец Леонид тяжело кивнул.

– Милицию вызвали? – спросил я.

– Конечно. Сейчас приедут.

– Что ж? – в голосе Алешки прозвучала тревога. – Опять беды начнутся? На Святой Руси?

Отец Леонид слабо улыбнулся, пожал плечами. И не ответил.

Алешка положил ему руку на плечо и сказал:

– Не печальтесь, батюшка. Найдем мы икону. А тех, кто ее украл... – тут Алешка задумался. – А тем, кто ее украл, очень круто достанется...

В общем, кончилась наша безмятежная жизнь на как бы даче. Впрочем, забегаю вперед, скажу, что все трудности этого дела и вся слава достались одному Алешке. Он сразу отстранил меня от расследования, строго и деловито сказав:

– У меня будет много работы, Дим. Надо спасти нашу Россию от всяких новых бед. А ты обеспечишь мне надежные тылы.

Я сначала про эти тылы не совсем понял: патроны ему, что ли, подносить? И потребовал разъяснений. Алешка охотно разъяснил. Обеспечивать надежные тылы – это: ходить в магазин за продуктами и на пруд за карасями, готовить трехразовое калорийное питание, убирать помещения и работать на прилегающей территории. И уточнил:

– Вот здесь всю траву выкосишь. Вот здесь мама велела грядки для апельсинов вскопать. Грибы поливать не забывай.

Хорошо, что еще березы не приказал окучивать. И отправился «на задание». Правда, в калитке обернулся, вспомнил:

– Да, Дим, траву косить надо рано утром, по росе. С первым лучом солнца.

«А посуду мыть, – добавил я про себя, – не раньше, чем в полночь, при луне».

Но если по правде, то Алешка своими указаниями не очень-то меня огорчил. Честное слово, мне как-то милее стоять у плиты, чем сидеть в засаде, и приятнее бегать по магазинам, чем за какими-то жуликами. И спокойнее, и результат приятный. Полезный и предсказуемый.

Прежде всего я навел порядок в нашем вагончике, все прибрал, вымыл, вычистил. Сходил в магазинчик в деревне и сделал всякие закупки. Даже керосин для лампы купил. И маленькое зеркальце, я его у двери повесил. И вечерами у нас стало уютно и тепло.

А Лешка тем временем вертелся возле церкви. Подслушивал, подглядывал, запоминал и делал выводы. Иногда такие смелые и неожиданные, что они оказывались совсем рядом с истиной...

Приехала милиция: участковый, следователь и эксперт. Всех сбежавшихся любопытных выпроводили из церкви и выгнали за ограду. Паршутин на это обиделся, а тетка Поинка махнула рукой: «А! Мне все равно некогда!» И куда-то умчалась – за потерянными временами, наверное. А Лешка, конечно, мгновенно познакомился с опергруппой и незаметно вклинился в ее состав.

Участковый был совсем молоденький и чем-то похожий на отца Леонида, только без бороды и без черных локонов. Они, видимо, были друзьями. Участковый называл отца Леонида «батюшка поп», а отец Леонид называл его «дядюшка мент». Следователь был постарше: дядя Коля. А эксперт (тетя Тамара) была его жена.

Они всё очень внимательно осмотрели, сели писать всякие протоколы, а эксперт Тамара ходила по церкви и пылила на разные подозрительные места какой-то белый и очень мелкий порошок – выявляла, как она терпеливо объяснила дотошному Алешке, отпечатки пальцев.

– Ну что, Том? – спросил ее следователь Коля, когда она закончила.

– Практически ничего, – ответила эксперт Тамара. – Отпечатки, конечно, есть, но скорее всего – батюшки и церковного сторожа. Но я с отпечатками еще поработаю. А вот на иконе – вообще никаких пальчиков нет. Либо их аккуратно стерли, либо работали в перчатках.

– Как – на иконе? – не выдержал Алешка. У него даже хохолок на макушке вскочил. – Ее ведь украли.

– Украли, украли. Не мешай, – оборвал его участковый. А отец Леонид терпеливо объяснил:

– Они хитрецы оказались. Они, Алексей, вынули подлинную икону и заменили ее очень хорошей копией.

– Чтобы совесть не очень мучила, да? – догадался Алешка.

– Какая там совесть! – махнул рукой отец Леонид. – Хитрость. Они рассчитывали на то, что кража иконы обнаружится не скоро. А за это время они успеют так спрятать подлинный образ, что его уже никогда не найдешь.

– А как же вы догадались?

Отец Леонид горестно вздохнул:

– Я этот светлый образ и с закрытыми глазами чувствую.

– А с открытыми?..

– Ну... Показалось вдруг, что краски какие-то другие, посвежее как бы стали. Пригляделся – сомнение взяло. А потом все ясно стало... На подлинном образе сбоку внизу скол имеется. Когда эту икону в прошлом веке в первый раз крали, то неосторожно из иконостаса выламывали и немного повредили.

Эксперт Тамара тем временем вынула поддельную икону из иконостаса и уложила в пакет.

– Сделаем экспертизу, – сказала она. – Может, она наведет нас на след.

– А как? – встрепенулся Алешка.

Тетя Тамара коротко объяснила:

– Ну... Тут много признаков. Манера письма художника. Состав и возраст красок. Возраст доски, на которой икона написана... Найдем человека, который ее писал, и выйдем на заказчика кражи. А там уж и на того, кто ее осуществил.

Не очень-то Алешка все это понял, но догадался: работа милиции предстоит долгая и кропотливая.

– Вы уж поскорей, – сказал он эксперту. – А то пока вы с красками и манерами разбираться будете, ее уже на аукционе за миллион продадут.

– Мы постараемся, – улыбнулся следователь. – А ты вообще кто такой?

– Оболенский.

– Ну, понятно, – кивнул следователь, будто эта фамилия ему все объяснила.

В общем, они еще поработали. И пришли к выводу, что в краже так или иначе замешан кто-то из местных жителей. Дело в том, что никаких следов взлома не обнаружено. Замки в дверях целы, кованые решетки на окнах – тоже. Значит, вошли жулики в церковь, используя ключи.

Тетя Тамара еще раз осмотрела замки и подтвердила:

– Никаких отмычек – двери отпирались родными ключами. Вообще-то надо бы и замки на экспертизу изъять. Но это позже.

– А вы, батюшка поп, – сказал участковый дядя Андрей, – хорошенько подумайте, кто из вашего окружения мог воспользоваться ключами.

– Сторож вне подозрения, – сразу же сказал отец Леонид. – И я тоже.

– Вот и подумайте, – сказал следователь. – Поехали в отдел, ребята. У нас времени в обрез и работы невпроворот.

– А что такое? – спросил участковый.

– Начали группировку Халитова разрабатывать.

– Давно пора.

И они пошли к машине. А Лешка еще повертелся возле отца Леонида и вдруг сказал:

– Дядя Леня, а если у жуликов есть ключи, то они опять в любое время могут снова забраться в храм и еще что-нибудь стащить.

– А ведь ты прав! – Отец Леонид, подхватив полы рясы, бросился вниз с холма. Алешка за ним. – Стойте! Стойте!

Машина остановилась.

Отец Леонид, горячо жестикулируя, высказал свои опасения.

– Предусмотрено, – успокоил его участковый. – Я приглажу.

«И я тоже», – решил про себя Алешка.

Ближе к вечеру на входную дверь храма на всякий случай сторож Савелич приладил мощный засов. Правда, подходящего замка к нему пока не оказалось.

– Вот поеду в город, – кряхтя пообещал старик, – и куплю сюда замок вот с таким ключом, – и он во всю ширь развел руки.

Будто чем больше ключ, тем надежнее замок. А засов некоторое время оставался без дела. До одной ночной поры...

Я часто думаю, почему мой младший брат все время вмешивается в чужие дела? Почему он не остается равнодушным к чужим трудностям и бедам? И самое интересное – ответы на эти вопросы у меня получаются все время разные. А все потому, что у Лешки его принципы тоже меняются с годами. Он взростает. В детском саду он заступался за своих друзей, когда их, на Алешкин взгляд, незаслуженно наказывали. В школе он воевал за озорников-одноклассников, если считал, что они, что-нибудь натворив, поступили все-таки справедливо. Он и за меня не раз вступался перед родителями, когда было нужно. А вот сейчас Алешка уже страдает за всю Россию, никак не меньше. Ему, видите ли, «за державу обидно».

Да, взростает пацан. Но все равно остается моим младшим братом.

Правда, сам он об этом частенько забывает.

– Молодец, Дим! – похвалил он меня, когда вернулся с «задания». – Надеюсь, ты не устал? – И, не дожидаясь ответа: – Сегодня будем дежурить всю ночь.

– Еще чего!

– Разговорчики! – это он выдал маминым тоном. Я его хорошо запомнил со своих ранних лет, когда пытался отделаться от нелюбимой до ужаса овсянки. – И приготовь на всякий случай березовую дубинку покрепче.

Не слабо!

Когда стемнело, мы забрались на чердак нашего вагончика. Конечно, чердаком это низенькое помещение под крышей с узеньким окошком можно считать только условно. В прошлом году мы с Алешкой устроили себе здесь спальные места. А в этом году... А в этом году мы постоянно стучались головами о стропила. Подросли, значит, не только наши березы, но и мы сами.

Алешка захватил с собой ватное одеяло и расстелил его возле окошка. Которое больше напоминало не окно, а щель в танковой башне.

Мы улеглись и стали наблюдать. Видно отсюда было здорово. Все как на ладони. Дачный поселок с огоньками в окнах. Церковь на горе. Дальний лес. Темная, извилистая полоска реки. Уснувший пруд.

Ночь становилась все глубже и глубже. Поселок погружался в сон – все стихло, огоньки в домах погасли. Дачники ложатся пораньше. Чтобы пораньше встать и взяться за грабли, лопаты и топоры.

– Жестковато, – проворчал Алешка. – Завтра, Дим, оборудуешь здесь наблюдательный пункт. Поудобнее.

– Ага. – Я зевнул во весь рот. – Телевизор с видеочком притащу. Плеер. Банку с вареньем. Кастрюльку с макаронами.

– Не зевай так смачно, – попросил Алешка, не обращая внимания на мою насмешку. – Зевота, Дим, кто-то сказал, очень заразительна. – И зевнул так, что даже зубами лязгнул.

Из-за церкви поднялась красная луна. И на ее фоне что-то беспорядочно замелькало. Какая-то шустрая мелочь.

– Жулики, что ли? – Я положил голову на руки. Глаза слипались.

– Летучие мыши, – объяснил Алешка. – Они на колокольне живут. Мне дед Савелич показывал.

Во! Он уже успел и с дедом подружиться, и на колокольню слазить.

– ...Такие симпатичные, Дим, – продолжал Алешка. – Хватит зевать! Висят себе в уголке, среди паутины, крылышки подобрали... А мордочки у них, Дим, как у маленьких поросят.

Мне эта любовь к мышкам и лягушкам, мягко говоря, не понятна. У меня от них мурашки по спине бегают. От неприязни. У Лешки – мурашки тоже бегают. Но от восторга.

А летучих мышек становилось все больше и больше. Вот уже такое стадо образовалось, что заслонило собой красную луну. Стало мне совсем темно. И я уже больше не зевал. Зеваешь, когда спать хочется. А я уже, оказывается, всю удовлетворял свою потребность в глубоком здоровом сне на свежем воздухе. Да на ватном одеяле.

Но я этого еще не знал. А узнал, когда Алешка чувствительно ткнул меня в бок и жарко прошептал:

– Вот он! Пошли!

Я открыл глаза. Луна была уже совсем в другом месте, и не красная, а ослепительно белая.

– Ты чего? – буркнул я.

– Дим, он там! В церкви! Я видел – там на секундожку фонарик сверкнул. Пошли! – И он потянул меня к лестнице. – Дубинку захвати! Пригодится.

Мы скатились с чердака, выскочили за калитку и побежали к церкви, спотыкаясь в темноте.

– Не пыхти! – шепнул Алешка. – Спугнешь.

По мне уж лучше спугнуть. Пока нас самих не спугнули.

– Я гляжу, Дим, – рассказывал на бегу Алешка, – и ничего не вижу. Вдруг у двери фонарик сверкнул. И опять темнота. А потом внутри он опять на секундожку зажегся. Тихо! Оставайся здесь, будешь меня подстраховывать. Если что – дубинкой по башке.

– Кого? – удивился я. – Тебя?

Алешка прыснул в кулак – будто мышка чихнула.

– Кто подвернется. Потом разберемся. Стой здесь.

Он бесшумно поднялся по ступеням к двери, прислушался и тихонько задвинул засов.

– Все! Попался!

– Кто?

– Жулик – вот кто! Беги за участковым, а я за дядей Леней.

Участковый жил неподалеку, на краю дачного поселка. Там стоял такой двойной дом – в одной половине была комната участкового для приема населения, а в другой жил он сам, со своей семьей в виде молодой жены по имени Катерина. В обеих половинах было темно.

Я постучал в жилое окошко. В доме вспыхнул свет и послышался сонный женский голос:

– Кто там?

– Дядю Андрея позовите, – сказал я. – Очень нужно!

Окно распахнулось, и в нем появилась женщина в халате.

– А его нет. Он на задании.

Вот это да! А что делать-то?

И я помчался обратно к церкви. И по дороге догнал Алешку и дядю Леню в цветастой пижаме и домашних тапочках. Они трусили рядом, как два дружных бегуна на дальние дистанции.

– Молодец, Алексей! – хвалил его на бегу дядя Леня. – Сейчас мы его схватим. Дим, а где участковый? Разбудил его?

– Он на задании. – Я пристроился к ним сзади. Как третий дружный марафонец. – Нужно звонить в милицию.

– А! – дядя Леня затормозил так, что я чуть не налетел на него. – Бежим обратно. За мобильником.

Развернулись. Побежали обратно. Разговаривая на ходу. Лешка и Леня все время на полном бегу оборачивались ко мне с разными репликами. И в конце концов они на этом полном ходу врезались в тракторный прицеп, который прямо на дороге оставил на ночь нерадивый тракторист Шурик. А я не налетел, я вперед смотрел, назад не оглядывался.

– У тебя что? – спросил отец Леонид Алешку, вставая и потирая лоб. – У меня шишка.

– У меня коленка на ноге, – сказал Алешка. – Дим, а у тебя?

«У меня голова на плечах», – хотелось мне ответить, но я сдержался и только вздохнул.

– Не будем тревожить матушку, – сказал отец Леонид возле своего дома. – Сейчас я вынесу телефон.

– Да, – посочувствовал Алешка, – пусть мирно спит старушка.

– Почему старушка? – с обидой удивился отец Леонид, он даже остановился на крыльце. – Матушка на пять лет меня моложе. – И скрылся за дверью.

Алешка так вытаращил глаза, что я это даже в темноте разглядел, и повернулся ко мне:

– Как, Дим? Матушка моложе сыночка? Так бывает, что ли?

Я пожал плечами:

– Ты у него спроси, откуда я знаю? Может, она его усыновила.

Тут появился отец Леонид, все в той же цветастой пижаме, очень красивой под лунным светом. И стал так орать в мобильник, что его молодая приемная матушка, наверное, подскочила в постели. И зажала уши. Или сунула голову под подушку.

– Сейчас придет, – сказал нам отец Леонид. – Велели ждать здесь и приказали: «К объекту не приближаться. Преступник может быть вооружен».

Ждали мы довольно долго, сидя на его крыльце. И Алешка все допытывался у отца Леонида про его матушку. Наконец, разобрались. Оказалось, что матушка – это не мама, а жена отца Леонида.

– Ну так принято, – объяснял он. – Я, попросту говоря, поп, а она, попросту говоря, попадья. Я – батюшка, а она, значит, матушка. Понял, Алексей?

Попросту говоря, Алешка не успел ответить. На краю села засверкали мигалки и завывали «вопилки». Примчалась группа захвата. Мы побежали к церкви. Как же без нас-то!

Из машины высыпали люди в бронежилетах и в касках. Вперед выступил начальник милиции. Очень довольный, он потер руки и поднес ко рту микрофон. И загремел его голос на всю деревню:

– Предлагаю вам добровольно покинуть объект! Вы обнаружены и блокированы! Сопротивление бесполезно! Даю минуту на принятие решения! Время пошло!

В ответ – тишина.

– Вперед! – скомандовал начальник, взглянув на часы.

Двое бойцов в брониках рванулись к дверям. Лязгнул засов.

Один боец исчез внутри, другой сначала прикрыл его, а потом тоже исчез за дверью.

– Стоять! Оружие на пол! Руки за голову! – слышали мы их грозные крики.

И тут же оба бойца вывалились на папёрть, держась за животы. Я сначала даже испугался, подумал, что злоумышленник, забравшийся в церковь, поразил их каким-то неведомым и бесшумным оружием. Прямо в пупки.

Но бойцы схватились за животы от хохота. Потому что следом за ними на пороге, щурясь от яркого света автомобильных фар и прожекторов, появился немного смущенный... наш

молодой красавец-участковый – «дядюшка мент». Попросту говоря. Хорошо еще, что мы его только заперли, а не ахнули дубинкой по фуражке.

– Так! – мрачно сказал начальник и повернулся к отцу Леониду: – И кто все это устроил? Ложный вызов – называется это безобразие.

Отец Леонид повернулся к Алешке. А того как будто и не было. Батюшка покаянно поник головой.

– Стыдно, батюшка, – пожурил его начальник. – При вашем-то сане и такие шуточки.

– Что ж ты, батюшка поп, – укорил его и участковый. – Я ж сказал тебе, что позабочусь. В засаду, понимаешь, сел, караулил. По мне там мыши бегали. Все ноги оттоптали...

Отец Леонид чуть заметно усмехнулся в бороду, но Алешку не выдал. Он только удрученно развел руки и виновато произнес:

– Опростоволосился... Зело прискорбно...

Глава III

Еще один... поля

Алешку наш ночной прокол ничуть не смутил. Он только укрепил его добрые чувства к отцу Леониду и желание помочь ему и всей бедной России, отыскав всенародную реликвию.

А у меня задачи были попроще. Но, на мой взгляд, тоже важные.

Скосив всю траву на участке, я не свалил ее в кучу, а терпеливо ворошил граблями, чтобы посушить хорошее сено для нашего чердака. И обеспечить комфорт на нашем наблюдательном пункте. Тем более что внизу, на тахте, спать было невозможно.

Тахта была старенькая, уставшая. Когда на нее садишься, она тяжело и укоризненно вздыхает, а уж если повернешься во сне, она так взвизгнет всеми своими ржавыми пружинами, что сначала испугаешься, а потом ее жалко станет.

Алешка умотал куда-то сразу после завтрака, и я до обеда крутился со всеми делами один.

Сходил в магазин, ворошил сено, копал грядку. Она получилась у меня славная. Так и хотелось в нее что-нибудь посадить. Ну, это уж мамина задача. Ее апельсины.

Алешка заявился к обеду, весь загадочный и озабоченный. Деловой такой. Вид у него: ты вот, Дим, тут отдыхаешь на даче, а я вот там подвергаю себя всю трудностям и опасностям. А еще старший брат называется.

– Где бегал? – Я снял с плитки кастрюлю и поставил ее на стол.

– Много где, – очень внятно объяснил он. – К бабушке, например. Извиняться.

Ох, неспроста это! Алешка никогда просто так извиняться не станет. Всегда с какой-нибудь выгодой. Или хитростью.

– Садись обедать, сыщик.

– Ой, Дим, что-то не хочется. Я у дяди Лени здорово пообедал. А что у нас на первое?

– Пельмени.

– А на второе?

– Пельмени.

– И на третье пельмени? – хихикнул он.

Но я не шутил. Я в самом деле сварил пельмени не просто в воде, а на бульонных кубиках. Получилось и первое, и второе.

– Ладно, Дим, наливай, – подумав, согласился Алешка. – И первое, и второе. В один флакон. А то я, пока шел, уже проголодался.

– Что новенького? – спросил я, с удовольствием глядя, как он наворачивает «первое и второе». – Какие успехи?

– Большие, – ответил Алешка. – Но их мало. Давай еще и третье. Заодно.

– Еще макароны есть, – сказал я. – Прошлогодние. Я их сварил и яйцами на сковороде залил.

– Тоже прошлогодними? – насторожился Алешка.

– Тетка Поинка принесла, свежие, – успокоил его я.

– У нее свежих не бывает, – со знанием дела возразил Алешка. – Ей все некогда. – Но макароны «на третье» стрескал. Несмотря на то что уже «здорово пообедал».

– Значит, сыщик великий, – подначил я, – пока не пролил луч света на это темное дело?

– Скоро пролью.

– Можешь не спешить. – Я налил нам чая. – Я уже пролил.

– Чай? – не понял Алешка.

– Луч света, – небрежно пояснил я. – Сегодня в магазине один источник информации в виде дядки Паршутина сообщил имя похитителя. И даже сказал, что икона находится в его доме, в красном углу. На самом видном месте.

– Это кто? – подскочил Алешка и в самом деле опрокинул чашку.

– Это Посошок!

Алешка сменил мокрые джинсы на сухие шорты и вылетел за дверь.

Избушка Посошка стояла на самом берегу речки. На самом крутом берегу. И казалось, будто она с тоской смотрит с этого берега в быструю воду и размышляет: а не бухнуться ли мне в глубокий омут, чтобы разом покончить со своей несчастной жизнью? Ее было жалко: кривая всеми стенами и перекошенными, сто лет не мытыми окошками, заросшая по худой кровле мхом, с клоками и прядями старой пакли, свисающими из всех щелей на радость птахам, которые уж сколько лет щипали ее на свои гнезда.

Но зато на задах усадьбы, в одичавшем саду стояла ладная банька. Красивая как сказочный теремок. И никак не верилось, что ленивый пьянчужка Посошок мог сотворить такое чудо.

Алешка вошел в темные сени. И сразу обо что-то споткнулся. Чуть не упал, пригляделся. У стены – развалившаяся груда каких-то небольших дощечек, ровных и одинаковых.

Алешка потер ушибленную коленку и постучал в дверь. Сначала вежливо – рукой. Никакого ответа. Бухнул правой ногой – тишина. Бухнул левой – то же самое. Повернулся спиной к двери и забарабанил в нее пятками, обеими по очереди. За дверью послышался недовольный вздох с грустным оттенком. Тогда Алешка без спросу вошел в избу.

В комнате, кроме хозяина, почти ничего не было. Лавка у стены, крытый драной клеенкой стол, на котором стояла пустая водочная бутылка, красивая табуретка (как из музея) и кривоногая раскладушка (как с помойки).

А в углу, под потолком, на резной полочке светилась знакомая маленькая иконка.

Сам Посошок, босой, в распахнутой на груди рубахе, сидел на лавке и грустно, задумчиво смотрел на пустую бутылку.

– Ну? – наконец спросил он Алешку, чуть повернув голову, но с бутылки глаз не спуская, будто гипнозом силился ее наполнить. – Чего надо?

– Ничего.

Долгое молчание.

– А чего принес?

– Ничего.

Опять пауза.

– А чего тогда пришел?

– Просто так.

– А... Ну ладно, тогда садись вон на раскладуху.

Алешка подошел к ней, посмотрел, недоверчиво потрогал:

– А она не рухнет?

– Чего? – изумился Посошок с долей обиды. – Вчера сам на ней сидел, не рухнула же.

Посидели, помолчали. Алешка чуть-чуть подпрыгивал на раскладушке – она в ответ жалобно повизгивала ржавыми пружинками. Посошок, вцепившись в края лавки, тихонько покачивался взад-вперед, и чуть слышно протяжно бубнил – будто пел про себя грустную песню, и болтал потихоньку босыми ногами.

– Чего там? – вдруг спросил он, кивнув на окошко, заросшее паутиной, в которой сохли прошлогодние мухи. – Чего новенького?

– Да ничего хорошего. – Пружины под Алешкой еще жалобнее скрипнули. – Паршутина собака укусила.

– Так ему и надо, – отозвался на великую новость Посошок, шмыгнув курносый носом. – Дурного человека хорошая собака за версту чует.

– А вас собаки не кусают?

– Не, они меня, наоборот, за версту обгибают.

Алешка не стал спорить. Он и сам бы этого Посошка за версту обогнул – такой от него шел густой винный дух.

– А еще чего?

– Церковь обокрали.

Посошок подскочил:

– Да ну! И много добра взяли?

– Подсвечники всякие. Книги старинные. А главное – икону чудотворную. Вот как у вас.

Можно посмотреть?

– А ты чего, верующий? – насторожился Посошок.

Алешка подумал и ответил загадочно:

– Сочувствующий.

– Это как? – не понял Посошок.

– Это – в душе.

– А... Ну тогда гляди. На тубаретку залазь. Да смотри свечку не сковырни.

Алешка придвинул «тубаретку», на ходу подивившись ее красоте: прямо как из музея старинного быта – резное чудо.

Взяв в руки иконку, он сразу понял, что это не та, не подлинная. Настоящая была написана на древней дощечке, а эта – на простом кусочке картона. Но все равно: очень красиво и похоже на оригинал.

– Здорово, – сказал Алешка. – Это вы сами, дядя Посошок, рисовали?

– Меня Егорыч зовут, – проворчал Посошок. – А Посошком дураки дразнят.

– Я не знал, – сказал Алешка. – Больше не буду. Я не дурак.

– Откуда я знаю, – не поверил Посошок. Почесал лохматый затылок. – А образ... Не, образ не я писал. Мне такое не дано. Я по плотницкой работе специалист. Ну и столярничаю иногда. Когда выпить нечего. Вон, тубарет видал? Моя работа, под ней подпишусь. А икону – не, не я писал. Художник Поля.

– Художница? – уточнил Алешка. – Женщина, значит?

– Кто женщина? – Посошок перестал качаться, застыл в недоумении.

– Ну художник.

– Почему? – удивился Посошок. – Почему женщина?

– Потому что – Поля!

– Во дает! – Посошок аж подпрыгнул на лавке. – А что, и Коля, выходит по-твоему, тогда женщина?

Алешка не стал спорить. Ему не эти тонкости – Поля-Коля – были нужны.

– А где она живет? Этот... Поля?

Посошок вдруг угрюмо замкнулся.

– В поселке? – настаивал Алешка.

Упрямое молчание в ответ.

– В деревне?

Посошок опять поскреб затылок и загадочно произнес:

– Два рубля нужно.

– Кому? – удивился Алешка.

– Тебе.

– Зачем?

– Мне отдать.

– На хлеб? – пожалел его Алешка.
– Я что, нищий, по-твоему? – Посошок возмутился и объяснил: – На вино не хватает. На «Бело-розовое».
– Понял. Ща принесу. – И Алешка помчался домой.

Он ворвался в наш мирный вагончик и завопил с порога:
– Дим! Гони деньги! Два рубля!
– На что? – спросил я, переворачивая на сковороде очередной румяный оладушек. – На всякую фигню не дам.
– На вино не хватает!
– Что? – Оладушек сорвался с ножа и плюхнулся на пол. – На какое еще вино?
– На бледно-розовое!
– Может, тебе еще и на сигареты денег дать?
– Это не мне, Дим! Это плата за информацию.
Зажав в кулаке деньги, Алешка влетел в избу Посошка. Тот с надеждой привстал ему навстречу. И протянул руку.

– А вот фиг! – сказал Алешка и свою руку с деньгами спрятал за спину. – Сначала адрес.
– Чистое поле, – сказал Посошок. – За девятой сосной от бывшего скотного.
Меня бы такой ответ ошаршил. Алешку – нет...
– Понял, – сказал он. И спросил уже в дверях: – А что это за щепки у вас в сенях валяются?

Посошок, чтобы идти в магазин, уже искал под лавкой обувь и оттуда фыркнул сердито:
– Щепки! Валяются! Это лемех! Или гонт, иначе говоря.
– Для самовара, что ли?
Посошок только крякнул от возмущения.
– Сам ты самовар. А хвалился, что не дурак. Разве не слыхал такого – «крытый лемехом шатер»? То-то, что не слыхал. Такой дощечкой в старину кровлю крыли на теремах да купола на церквях. Ох, и красиво! Дощечка-то осиновая, под солнцем серебром играет.
Вот оно что! А ведь терем писателя Марусина под такой же кровлей. Надо же – золотые руки у дядьки Егорыча, а он посошки сшибает...

Сообщив мне про девятую сосну, Алешка лишь молча усмехнулся на мое недоумение. А потом сказал:

– Дим, я тебе после все объясню. Пойдем лучше погуляем. В чистое поле. Под девятой сосной.

Все это неспроста. Я даже не стал спрашивать, зачем нам девятая сосна – у нас и печки-то нет. Какое мне дело до всех этих загадок? Я у него на подхвате. Тылы обеспечиваю...

Бывший скотный – это длинное бетонное здание с выбитыми в окнах стеклами и с разобранной крышей. Раньше в нем выращивали маленьких телят до большого размера. А теперь в нем гулял сквозной ветер и нахально шныряли крысы. Большого размера.

За зданием, после полосы высоченного бурьяна, начиналась дорога в чистое поле. Вдоль нее, на одинаковом расстоянии, стояли стройные сосны – как телеграфные столбы. У девятой по счету сосны мы остановились. Огляделись.

В чистом поле было красиво. Раздолье такое. Светило солнце. В небе время от времени проплывали облака и пролетали птицы. И до самого леса колыхались разноцветные травы. А в дали чистого поля разметался огромный развесистый дуб, весь в обильной густой листве – залюбуешься.

Невдалеке от дороги стоял на одной ноге большой пестрый зонт. А под ним – мольберт на трех ногах и художник на двух; в рубашке навыпуск с закатанными рукавами и в белой детской панамке с вышитой на боку бабочкой.

Мы подошли поближе, стали у него за спиной.

– Можно посмотреть? – скромно попросил Алешка.

Художник обернулся и недовольно ответил:

– Вообще-то я не люблю показывать посторонним незавершенные работы.

– Ну и зря! – авторитетно заявил Алешка. – Посторонние зрители могут что-нибудь подсказать полезное. Пока еще не поздно. Пока вы еще не все испортили.

– Ну-ну, – усмехнулся художник (на двух ногах в панамке) и отступил от мольберта на шаг. – И что же ты подсказал бы?

Алешка со знанием дела осмотрел рисунок и тоном недовольного профессора пояснил:

– Плоско как-то у вас получилось. Вроде фотографии.

И очень верно он это сказал, мне тоже казалось, что этот этюд какой-то одномерный, нет у него глубины.

Скептический взгляд художника вдруг загорелся:

– А ведь ты прав, я тоже что-то такое чувствовал. А вот как исправить? – И он взглянул на Алешку уже не с недовольством, а с надеждой.

Что и говорить: умеет Алешка в доверие войти. И незаменимым стать.

Он еще раз внимательно осмотрел этюд, прищурился, что-то пробормотал. Отошел на шаг, приложил руку козырьком ко лбу, присел, заглянул сбоку. Сейчас еще и сзади осмотрит.

Нет, не стал. Этому артисту и так выпендрежа хватило.

– Я бы вот здесь, где дуб заветный, тень от облака пририсовал.

Художник сначала онемел, потом шлепнул себя в лоб, оставив на нем синее пятно краски, и воскликнул:

– Как же я сам не догадался!

«Что я говорил», – нарисовалось на Алешкиной мордахе.

Художник схватил палитру, стал смешивать на ней краски и быстрыми мазками наносить их на холст. И что-то приговаривать, даже напевать.

– Вот так! – удовлетворенно произнес он, отступив от мольберта. И опять повернулся к Алешке: – Что еще, коллега?

«Коллега» опять на секунду прищурился с умным видом и задумчиво произнес:

– Я бы дупло у дуба замазал, пусть поздоровее выглядит. И все чуточку сделал погрустнее.

– Вот еще! – не согласился художник. – Это зачем? Светит солнце. Синее небо, зеленеет лес. Травы цветут и кустятся. Птички поют. Радостно.

И тут, я совсем этого не ожидал, Алешка рассердился:

– Вы же не фотограф! Живопись должна вызывать мысли и чувства!

– Вот я и вызываю! – огорошенный Алешкиным натиском, пытался растерянно оправдаться художник. – Чувство радости от красивого пейзажа.

– Ничего себе! А вы знаете, это мне дядя Леня говорил, что несколько лет назад по этому полю ходили комбайны, трудились люди. Колосилась золотая пшеница! А теперь колосятся только зеленые васильки...

– Голубые и синие, – машинально поправил его художник, заметно задумавшись. – Кто ж знал...

Но Алешка уже остыл. И даже сам немного смутился. А художник внимательно, с прищуром оглядел его и вдруг сказал:

– А давай я напишу твой портрет. И назову его «Юный философ». Или «Юный мыслитель».

– Обойдусь, – не очень вежливо отмахнулся Алешка. – Рисуйте ваши пейзажи. У вас хорошо получается.

– Верно? – обрадовался художник, будто его похвалил не малый пацан, а президент Академии художеств. – Тебе правда нравится? Ну, давайте знакомиться.

Мы назвались. И художник тоже:

– Аполлинарий Кузьмич. Можно просто – Поля. А фамилия... – тут он немного замялся: – А фамилия у меня довольно необычная. – И произнес так, будто у него неожиданно начался насморк и заложило нос: – Бревдо.

– Где бревно? – спросил Алешка.

– Какое бревно? – спросил я. – Почему?

– Вот... Я же говорил. Не бревно, а Бревдо!

И он рассказал, как его далекий предок по фамилии Бревно, когда получал в полиции паспорт, из-за сильного в самом деле насморка так и произнес. Его так и записали.

– Вот и стали мы – Бревдо.

– Да, – Алешка искренне посочувствовал. – Трудно с такой фамилией.

– Еще как! – обрадовался художник сочувствию. – Как ни объясняешь, везде записывают – Бревно.

– Обидно. Тем более что вы совсем на бревно не похожи.

Это Алешка верно заметил. Художник Бревдо был больше всего похож на длинную худую жердь.

В общем, мы и с ним немного подружились. Проводили его до дома. Он показал, где живет, и пригласил нас заходить в любое время.

– А вы нам покажете свои работы? – спросил Алешка.

– С удовольствием! – расцвел художник. – Особенно если это вас интересует.

– Все-все покажете? – почему-то спросил Алешка. – И портреты?

– Портреты? Да у меня их очень мало. Хозяйку как-то написал. Отца Леонида. Да, еще этого... Как его? А, вспомнил. Мужичка одного местного. Посошком его кличут. Очень колоритная личность.

– А иконы вы не пишете? – вдруг спросил Алешка.

Художник как-то замялся и стал суетливо поправлять на плече собранный зонтик и мольберт.

– Иконы?... Да как-то, знаешь... А почему вдруг такой интерес?

– В церкви кража была, – спокойно пояснил Алешка. А художник, мне показалось, вздрогнул и немного побледнел. – Икону очень ценную украли. Вы бы нарисовали такую. Отец Леонид обрадовался бы.

– Ну... Это не так просто. Боюсь, у меня не получится.

– Жаль, – как-то жестко и холодно сказал Алешка. Повернулся, пошел и бросил через плечо: – До свиданья.

Ничего не понимаю! Зачем-то познакомился с ним, влез в доверие, подружился и так сердито и невежливо расстался.

Мне даже неловко стало. Я обернулся. Художник стоял в калитке и растерянно, я бы даже сказал – испуганно, смотрел нам вслед.

И тут я почему-то еще кое-что вспомнил. «Гони Полю в шею! И Леню тоже!»

Кого он имел в виду, этот писатель? Заполошную Полинку или художника Полю? А почему отца Леонида тоже нужно гнать, да еще в шею?

Надо сказать, что если я только задумался, то Лешке этого мало, он человек действия. Причем немедленного.

Он достал из шкафчика оставшиеся с прошлого года краски и стал что-то быстро малавать.

– Это что? – спросил я.

– Этуд. «Портрет отца художника».

Я глянул ему через плечо. Этуд удался. Он представлял собой наш обеденный столик на кухне в московской квартире. Над столом вертикально стояла газета. А кто там, за газетой – не видно. Но догадаться нетрудно.

– Зачем тебе эта дразнилка? Папа обидится.

– А это не для него, он не узнает. Это я художнику Поле покажу, посоветоваться.

Ловкач, ничего не скажешь.

Алешка быстренько скатал готовый листок в трубку и шмыгнул за дверь.

Художник Поля под редкой фамилией Бревдо жил у одной старушки в стареньком домике. Снимал у нее комнату.

В этой комнате у него был творческий беспорядок. Повсюду стояли в разных банках разные кисти; везде, даже на стульях, валялись тюбики с красками, а по всем стенам были развешаны этюды. Пейзажи всякие. И у двери прислонилась целая стопка всяких холстов.

Поля Бревдо обрадовался Алешке и с удовольствием рассмотрел его творение. Улыбнулся и похвалил:

– Здорово схвачено. В стиле символизма.

– Я сейчас работаю над портретом мамы художника. В том же стиле. Пылесос, стиральная машина, сумки с продуктами в одном флаконе. То есть в одной кастрюле.

– Мама не обидится?

– А я ей не покажу, – просто сказал Алешка. – Зачем ее расстраивать?

– Это разумно. На мои портреты тоже иногда обижаются. И плохо покупают. – Тут он немного погрустил. – А какие дальнейшие творческие планы?

– Хочу портрет одного великого писателя нарисовать. Он в нашем поселке живет.

– Марусин? – Поля спросил это с такой гримасой, будто Алешка собирался рисовать портрет таракана. Или безобразной жабы. – Не советую.

– Почему?

– Потому что от таких людей надо держаться подальше. К сожалению, я это не сразу понял. Хочешь чаю?

– Хочу, – соврал Алешка. Ему было надо, чтобы художник хоть на минуту вышел из комнаты.

И как только за ним закрылась дверь, Алешка подскочил к окну, отдернул шторку, тут же ее задернул, а потом быстренько перебрал картины, которые стояли у стенки.

И не зря! Среди готовых рисунков он увидел... набросок украденной иконы, сделанный черным карандашом.

Вошел Поля с чайником, сгреб на край стола краски и кисти, налил чай.

Алешка сделал вид, что с удовольствием хлопает из кружки, и небрежно спросил:

– А вот эти дощечки на подоконнике, они вам зачем? Вы из них рамки делаете?

Художник чуть не подавился чаем, закашлял.

– Постучать по спине? – с готовностью вскочил Алешка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.